

ВЕРЕЩАГИН Е. М.

ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВО КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Много ѡзыска еме обрѣсти словеса...

Среднеболгарский Сборник 1348 г. (Рукописн. отд. Гос. публ. биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр F. I. 376), известный как Синодальный или Лаврентьевский, а недавно изданный под именем Сборника Ивана Александра [1], содержит в себе ряд самостоятельных произведений: он открывается пространным Житием Иоанна Милостивого, затем следуют повествования из патерика, после них помещены слова Нила Синайского о пороках, а далее, начиная с листа 93б, читается текст, который и станет предметом настоящего небольшого исследования.

Ниже помещены первые 25 строк этого текста¹; причина подключения греческого соответствия станет ясна из дальнейшего:

л. 93б 1 Написание о правѣи вѣрѣ. изоу
щенное ко^нстантиномъ блаженымъ фи
лософомъ. оучителемъ о бѣзѣ словѣ
иско^нмоу ꙗзыкоу: —

5 Въ имѣ оца и сѣа и стго дѣа. коста
нтинъ философъ правовѣрно о исти
нѣмъ бѣзѣ. оучитель словѣнскыи
исповѣдоуж подписания. вѣ
Πιστεύομεν εἰς ἕνα θεόν πατέρα
роуж бо оубо въ единого ба оца въ
пантокрѣтора, πάντων ὀρωμένων

10 седрѣжителѣ. всѣмъ видимымъ
καὶ ἀοράτων ποιητὴν τε καὶ κύριον,
и невидимымъ. творца же и га. бе
ἀναρχον, ἀόρατον, ἀκατάληπτον,
значална. невидима. неодрѣжи
ἀναλλοίωτον, ἀτελεύτητον. Καὶ εἰς
ма. неизмѣнна. бесконечна. и въ
ἕνα κύριον Ἰησοῦν Χριστόν, τὸν υἱὸν αὐτοῦ τὸν μονογενῆ,
единого га ну ха сѣа единоподна.
ἀνάρχως καὶ ἀγρόνως καὶ πρὸ

¹ При воспроизведении текста предприняты (несущественные для лексикологических разысканий) упрощения: устранены дублетные буквы; не воспроизводятся диакритика, хотя титла удержаны; выносные буквы внесены в строку и заключены в круглые скобки, хотя пропущенные под титлами буквы не восстановлены; ѣ, помечаемый уголком, вносится в строку (в круглых скобках); предлог ѿ передается как отъ. В словоделении опираемся на греческий источник.

15 безначално и безврѣменно. и прѣжд(е)
 πάντων τῶν αἰώνων τῆς πατρικῆς οὐσίας ἐκλάμψαντα.
 вѣѣхъ вѣкѣ. от ѿца сѣщѣства вѣсна
 καὶ εἰς ἐν πνεῦμα ἄγιον,
 вина. и въ единѣ дхѣ стын. исхода
 ἐκ τοῦ θεοῦ καὶ πατρὸς προῦν, καὶ πατρὶ καὶ υἱῷ
 щѣ отъ ба ѿца единого. и съ оцемъ и сно
 συνθεολογούμενόν τε καὶ συνδοξαζόμενον, ὡς
 мѣ бгословимыи же и славимы. тако
 συμφρὲς καὶ συναΐδιον.

- 20 съестъствныма и съ нима прѣбываѣ.
 Τριάδα μὲν δοξάζοντες ὑποστάσεις ἦτοι
 тр(о)ицѣ оубо слава ипостасми. сирѣ
 προσώποις, καὶ ἐκάστῳ τῶν εἰρημένων
 чѣ лица. и которагожд(е) отъ реченыхъ.
 ἀμικεῖς καὶ ἀσυγχύτους τηροῦντες
 несмѣсна. нипразмѣсна. блюдыи ра
 τὰς ἀφοριστικὰς ιδιότητας, ὡς οὐδαμῶς
 змѣснаа свойства. тако никакоже
 μεταμιπτούσας ἢ κινουμένας. Πατρὶ μὲν

25 прѣлагаемъ и движемъ. ѿчее оубо

Всего в рассматриваемом произведении 374 строки². Текст, исполнен ный четким уставом,³ хорошо сохранился, — неразборчивых букв немного, и они без труда восстанавливаются.

Драгоценный источник — *Написание о правки вѣрѣ. изоуценое костантинѣ* — дважды указывает на своего автора: в начальном надписании (где Константин-Кирилл назван и Философом, и учителем славянского народа) и в заключении; ср.:

л. 1016 362

сиде азъ

свож вѣрж исповѣдаж. и съ присным
 моимъ братомъ мееодиимъ и пос
 пѣшникомъ въ бжии слоужбѣ.
 въ сеп бо есть спсение и оупование.
 и сиж прѣдаевѣ своимъ оученикомъ(ъ).

368 да сиде вѣроужче спсѣжт сѣ.

Здесь, как видим, поименован второй славянский первоучитель — Мефодий, ближе названный и братом, и поспешником, а также засвидетельствовано наличие общих учеников.

Недвусмысленная связь произведения (представляющего собой по жанру исповедание веры) со звучными именами Кирилла и Мефодия привлекла к нему пристальное внимание палеославистов. Со времени пздания (пусть во фрагментах) «Написания» К. Ф. Калайдовичем (в 1824 г. [2]) вышло в свет немало посвященных ему исследований.

Сложилось и закрепилось убеждение, что целый ряд выводов, добытых в ходе полуторавековой научной работы, имеет неколебимый харак-

² К сожалению, в наборном воспроизведении текста К. Кусевым [1, с. 178] пропущены три слова (*истинныа помощницѣ нашеа*), в результате чего с 350 строки начинается неправильный счет, приводящий, естественно, и к неточному общему итогу.

тер, — «... ряд вопросов, связанных с ним (имеется в виду „Написание“. — В. Е.) уже разрешен: вопрос авторства, вопрос древности языка памятника, его содержания, источников, которыми пользовался автор, и др.» [1, с. 141].

Для Куева, как, впрочем, и для Г. А. Ильинского или Ю. Трифонова, «вопрос авторства» безусловно ясен: перед нами подлинный и, самое главное, оригинальный, вполне самостоятельный труд Кирилла. Аналогично высказывается С. Б. Бернштейн: доводы Ильинского и Трифонова, по его мнению, «окончательно решают вопрос в пользу Константина Философа» [3]. Голоса ученых, сомневавшихся в принадлежности «Написания» Кириллу, постепенно стихли. Например, даже принадлежащий к числу скептиков В. Ткадльчик, в отличие от очевидных «отрицателей» А. Воронова и В. Грюмеля, в общем-то признает авторство первоучителя, хотя и с оговорками: первоначальный текст был написан не по-славянски, а по-гречески, да и составлен не на пустом месте, а с привлечением обширных выписок из творений патриарха Фотия и его ученика Никиты [4]. Таким образом, хотя и продолжается дискуссия в связи с языком памятника и возможностью компиляции, все же во всех суждениях творческий характер источника, его оригинальность принимаются за аксиому.

Между тем сейчас именно переводной характер «Написания» установлен безусловно. В начале 1986 г. советскому исследователю А. И. Юрченко повستавлилось найти в необъятном море византийской патристической литературы исповедание веры, которое настолько соответствует «Написанию», что происхождение последнего путем точного перевода стало очевидным для каждого. Вот теперь «вопрос авторства» решен окончательно: перед нами перевод символа веры Никифора, патриарха Константинопольского (ок. 758—829), негибавшего полемиста, сторонника иконопочитания, который получил при своей (очень скорой) канонизации (847) как раз атрибут Исповедника³.

Символ Никифора, переведенный в «Написании» Константина-Кирилла, представляет собой сравнительно большой фрагмент (главы 18—23) пространного сочинения, которое известно под именем *Apologeticus* (*pro sacris imaginibus*). В греческой Патрологии Мина [9, т. 100] интересующая нас часть занимает колонки 580 (начиная с литеры D), 581, 584, 585, 588 и 589 (кончая опять-таки литерой D). Выше, воспроизводя по фотокопии 25 строк «Написания», мы над имеющими соответствие строками поместили греческий источник; точно таким же образом А. И. Юрченко и автор настоящей статьи подготовили к изданию и все «Написание».

Теперь прославленное в славистике произведение, несомненно восходящее к переводческой деятельности Кирилла (и Мефодия), стало доступным для сопоставительного (греко-славянского) исследования.

Следующие ниже разыскания посвящены лишь одной из множества возможных сопоставительных тем — практике создания первоучителями славянской научной терминологии. Тема представляется важной и актуальной.

³ Что касается личности и литературного наследия Никифора Исповедника, то см. [5, 6], а также монографию П. Александера [7] и второй раздел в публикации П. С. Чичурова [8]. Прославление Никифора имело место уже во время деятельности славянских первоучителей, так что не зная о Никифоре они не могли; следовательно, нет препятствий, чтобы с доверием отнестись к определенному свидетельству «Написания»: славянский перевод был выполнен Константином-Кириллом. Произведенное А. И. Юрченко отождествление ничуть не снижает ценности источника.

Ее важность мы усматриваем в том, что проникновение в структуру и семантику начальной славянской терминологии позволяет понять и оценить вновь созданный великими солунскими братьями книжно-письменный язык с точки зрения прогресса просвещения и культуры в славянских странах.

Ее актуальность, по нашему мнению, состоит в том, что две конкретных кирилло-мефодиевских традиции терминотворчества, непосредственно рассматриваемые далее, сыграли существенную роль в истории русского литературного языка и продолжают жить в наши дни.

Нам уже приходилось писать, что создание славянской терминологической номенклатуры, адекватно выражающей развитие и уточненные понятия византийской учености, стало едва ли не основной задачей солунской двоицы, причем прямо в момент перевода самой первой фразы. Поскольку славянская терминология создавалась, если выразиться по-современному, в массовых масштабах, Кирилл и Мефодий не могли не выработать ряд повторяющихся приемов терминотворчества. Эти общие приемы — транспозиция, заимствование, калькирование и ментализация — описаны в других работах [10, 11], в том числе и в статье автора, опубликованной «Вопросами языкознания» [12]. Не имея в виду повторений, мы тем не менее укажем на место двух конкретных традиций терминотворчества, к рассмотрению которых переходим, в совокупности общих приемов: они суть частные реализации калькирования ⁴.

Итак, сначала рассмотрим обширную группу терминов отрицательной семантики. И без подсчетов легко заметно, что в греческом исходном тексте и соответственно в славянском «Написании» весьма много терминов, выражающих не присутствие какого-либо определенного качества, а как раз его отсутствие. В пределах фрагмента, выписанного нами, встретились: *ὁ πάντων ὁρωμενων καὶ ἀοράτων ποιητής* — *всѣмъ видимымъ и невидимымъ творецъ* (11); *ἄναρχος* — *безначальнъ* (12); второй раз *ἀόρατος* — *невидимъ* (12); *ἀκαταήρετος* — *неодръжимъ*; *ἀναλλοίωτος* — *неизмѣннъ* ⁵(13); *ἄτελεύτητος* — *бесконечнъ* (13); *ἄναρχος* — *безначално* (15); *ἄχρονος* — *бевѣрѣменно* (15); *ἀμύγη* — *несмѣснъ* (23) и, наконец, *ἀσύγχετος* — *неразмѣснъ* ⁶(23). Надо к этому прибавить еще и перифрастическое выражение негации: *ὅς οὐδαμῶς μεταπίπτουσας ἢ κινουμένας* — *такъ никакоже прѣлагаемъ и движемъ* (24—25). На протяжении всего своего Credo Никифор упорно и настойчиво прибегает к изложению уточненной византийской теологической спекуляции с помощью отрицаний, и славянский переводчик нигде не отстает от него. Напротив, он успешно за ним поспевает, в изобилии создает негативные термины, регулярно обращаясь к приему калькирования. Всего нам удалось наблюдать четыре способа создания славянских терминов негативной семантики.

Во-первых, греческой приставке *ἀ-* в соответствие ставится славянская приставка *не-*: *ἀγενής* — *нерожденъ* (51); *ἀγέννησις* — *нерождение* (26); *ἄγνωστος* — *неизвѣдомъ* (325); *ἀσπαρέτος* — *нераздѣльнъ* (59); *ἀλιάσπας*

⁴ Отсылки к «Написанию» производятся путем указания на строку, номер которой в скобках помещается после славянского термина. Исходные формы слов восстанавливаем обычным способом. Для прилагательных даем ради единообразия краткие формы, хотя в источнике распространены и полные. Вся греческая терминология сверена по Патристическому словарю Лампе [13].

⁵ В исходе краткой формы прилагательных ради единообразия даем *-нъ*, хотя встречаются и написания *-ень*. И в других случаях предпочитаем орфограммы с *ъ* и *ь*.

⁶ Конъектура. В источнике погрешно: *неразмѣснъ*. В другом месте «Написания» (260) *ἀσύγχετος* соответствует *неразмѣснъ*.

τος — *неразрѣчимъ* (37); ἀκαταληπτός — *неодръжимъ* (12); ἀμερής — *неразрѣченъ* (37, 48); ἀμετάβλητος — *непрѣложень* (182); ἀμυγής — *несмѣсьнъ* (23); ἀνώμητος — *непорочень* (107); ἀναλλοίωτος — *неизмѣнень* (13, 138, 214); ἀναμαρτυρία — *несъзрѣшеніе* (142); ἀνελλιπής — *нескѣднень* (249); ἀνισότης — *неравенство* (79); ἀνόητος — *несъмыслень* (317); ἀόρατος — *невидимъ* (11, 12, 43, 151); ἀπαράλλακτος — *неизмѣнень* (114); ἀπαρτρέπος — *неиспротрѣженъ* (181); ἀπεριγραπτός — *неописанъ* (217); ἀπεριττός — *неизрече(ч) [ь] нъ* ⁷ (109); ἀρηγος — *неизм[агол]анъ* (325); ἀσέβεια — *нечистъ* ⁸ (94); ἀσεβής — *нечьстьнъ* (267); ἀόγγυτος — *неразмѣсьнъ* (23, 260); ἀσύμφυτος — *неразрѣченъ* (261); ἀτελής — *несъзрѣшнень* (73); ἀτηγος — *неразрѣченіе* (55); ἀτρέπος — *непрѣложень* (139, 212); ἀφαρσία — *неистѣнны* (146); ἀφαρτος — *неистѣнень* (216); *нетлѣнень* (150); ἀφραστος — *неизм[агол]анъ* (169), *неизрече(ч) [ь] нъ* (118, 353). Хотя в большинстве случаев устанавливается одно-однословное соответствие (греческому термину соответствует определенный, и только один, славянский), все же бывает, когда одно и то же греческое слово переводится двумя славянскими (например, ἀφραστος — *неизм[агол]анъ* и *неизречень*) или же, напротив, когда два греческих слова получают в соответствие одно и то же славянское: ἀναλλοίωτος и ἀπαράλλακτος — *неизмѣнень*, ἀπεριττός и ἀφραστος — *неизречень*, ἀμερής и ἀσύμφυτος — *неразрѣченъ* и, наконец, ἀτρέπος и ἀμετάβλητος — *непрѣложень*.

Второй способ создания славянских негативных терминов состоит в использовании приставки *без-/бес-*: ἀθάνατος — *бес[с]ѣмрѣтьнъ* (217); ἀθεότης — *безбожие* (71); ἀκέφαλος — *безглавнень* (265); ἀναρχος — *безначальнень* (11, 15); ἀτελεύτητος — *бесконечнень* (13) и ἄλρονος — *безвѣрѣмнень* (15). В «Написании» встречается и еще один термин, входящий в перечисленный ряд, — *бесплѣтнень*, — для которого в греческом источнике не отыскивается соответствия, хотя его в силу широкой известности легко восполнить (ἄσπαρχος).

Третий способ заключается в передаче греческой приставки славянским предлогом *безъ* (встречаются написания без ъ: *без*): ἀνάρχως — *безначала* (197); ἀμήτωρ — *без м[а]тере* (197, 198); ἀνεθέλητος — *безъ хотѣнїа* (283, 321); ἀνενέργητος — *безъ дѣлїи* (283, 322); ἀπάτωρ — *безъ о[т]ца* (198); ἀσπόρος — *без сѣмене* (353). Как видим, этот способ применяется преимущественно (но не исключительно) по отношению к наречиям исходного текста, хотя и отмечается вариативность: ἀνάρχως — *безначально* (15) и *без начала* (197).

Наконец, к четвертой группе терминов мы отнесли те (по механизмам разнородные) случаи, когда греческий термин в славянском тексте получает или описательную передачу, или передается через осмысление или экспликацию, т. е. с переменами в семантике. Ср.: ἀπαθής μὲν ὁ αὐτὸς κατὰ τὴν θεότηα — *не приемл[а] стр(с)ти по бж(с)твому* (214), здесь ἀπαθής вместо ожидаемого *бесстрастнѣ* переводится как *не приемл[а] страсти*. Надо признать, что перифрастическое выражение имеет большую определенность, чем калькированный термин, поскольку в нем указано, что имеются в виду извне испытываемые страдания. Аналогичное прояснение смысла (по сравнению даже с греческим источником) наблюдаем еще в одном случае появления в славянском отрицательного описательного оборота: говорится о девице Марии, τῆς κατὰ σάρκα τὸν χόριον ἡμῶν ... ὑπερφύως τεκο-

⁷ В квадратные скобки заключены восстановленные буквы, в том числе в словах с титлом.

⁸ Греческому существительному соответствует славянское прилагательное.

ὁπρῆς, — *рождѣижа* по *пльти га ис ха ба* нашего ...*безъ всего примышления* (352—354). Обычно ὁπρῆς переводится как *паче естѣства* (215), но здесь *безъ всего примышления* отчетливо песет на себе отзвуки полемики, возражений тех людей (надо думать: новообращенных), которые не могут вместиť мысль о бессеменном зачатии. К четвертой группе следует, наконец, отнести и славянские переводы способом отрицания греческих терминов, звучащих вполне позитивно, — ἐμμανής — *неистовъ* (318); λῶσα и μαγία — *неистовство* (86, 93); φρενοβλάβος — *безоумнѣ* (255).

Большое количество негативных терминов с Credo Никифора не должно удивлять: византийская теология и философия его времени не только принимала, но и ставила на первое место именно апофатический, отрицательный метод познания, согласно которому непостижимость предмета познания, т. е. божества, предполагает принципиальный отказ от оперирования «земными», человеческими понятиями. Однако, по мнению византийских ученых, если неизбежна ошибка, когда божеству приписываются позитивные качества, то в утверждениях свойств, которые ему не присущи, действительно излагается истина. И при этом нанизывание негативных терминов-определений считается полезным делом, потому что таким образом преодолевается идолопоклонство и — парадокс! — расчищается пространство для конечного положительного познания. Не станем подробнее входить в обсуждение апофатического метода (см. [14, 15]), но все же подчеркнем, что он сопрягается не только с именами (Псевдо-)Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Симеона Нового Божеслова и Григория Паламы (т. е. сравнительно поздних мыслителей), но и с каппадокийскими отцами. Так, именно Василию Великому (ок. 330—379) приписывается троичная молитва, содержащая апофатическое мышление в наиболее развитом виде: Ὁ ἁγρᾶντε, ἀκρίαντε, ἀναρ/ε, ἀόρατε, ἀκατάληπτε, ἀνεξήγησ/ε, ἀναλλοίω/ε, ἀνυπερβλή/ε, ἀμετρη/ε, ἀνεξίτη/ε, ὁ μόνος ἔχων ἀθανασίαν, ὥς οἰκῶν ἀπόρρητον, т. е. (цитируем по синодальному переводу) «пречисте, нескверне, безначальне, невидиме, непостижиме, неизследиме, непременно, непобедиме, неизчетне, незлобиве господи, един имеяй безсмертие, во свете живый непреступном» (12 негативных определений!). Если сравнить терминологию Василия Великого с Credo Никифора, то она в определенной части совпадает. В этом нет ничего удивительного: если истоки апофатического мышления усматривать у Платона, то ко времени Никифора терминологической традиции было более тысячи лет.

На славянской же почве к моменту начала деятельности Кирилла и Мефодия пласта негативных терминов отвлеченной семантики, можно уверенно считать, еще не было. Так, адъективная словообразовательная модель с приставкой *bez-*, безусловно, восходит к праславянскому языковому состоянию, однако при ее помощи возникали производные слова конкретно-бытовой семантики: *bezbordъ* «безбородый», *bezdomъnъ* «бездомный», *bezdzъdzъ* «бездожде» [16], а относительно слов типа *bezdušъnъ* можно предполагать уже старославянскую, а стало быть, и греческую основу. В результате переноса на славянскую почву апофатического метода познания, — а «Написание» свидетельствует нам, что перенос такой начали сами Кирилл и Мефодий, — сложился и закрепился обширный пласт книжных негативных терминов абстрактно-отвлеченного значения.

Следует принять во внимание, что первоучители действовали в духе славянского языка, и они сохранили приставку *без-*, во-первых, в тех случаях, когда слово уже имелось и могло быть из устной речи привне-

сено в нормированный книжно-письменный язык: ср. *безглавънъ*. О внимательности солунских братьев к наличным языковым средствам можно судить хотя бы на примере того, что они в качестве соответствия *φρῆσις* дали *безоумънъ* (слово фиксируется для праславянского фонда [16, с. 49]) и не стали выполнять калькирования. Во-вторых, приставка *без-* как исключительно применяемая даже и при калькировании была применена в тех случаях, когда лексическая основа представляла собой существительное: *бессъмрътънъ*, *безбожие*, *безначальнъ*, *бесконечнъ* и *безвѣкъмънъ*. Хотя эти лексемы и отсутствуют в [16], все же можно допустить их бытование и в докирилло-мефодиевское время.

Что касается приставки *не-*, то она по преимуществу участвовала в словопроизводстве от глагольных основ, хотя имеются также случаи отыменного производства: *нечъстънъ*.

Пока мы ограничивали себя одним «Написанием». Между тем негативные термины-неологизмы абстрактно-отвлеченной семантики присутствуют и в двух книгах, над которыми Кирилл и Мефодий потрудились в самом начале своей переводческой деятельности, — в Евангелии и в Псалтыри: *безаконие*, *безвѣстънъ*, *безгодие*, *безоумънъ*, *беспечальнъ*, *бесчъстии*, *бесчъстънъ*, *невола*, *невъзблагодатьнъ*, *невъвозможънъ*, *невѣдомъ*, *невѣрве*, *невѣрънъ*, *недостойнъ*, *незълоба*, *незълобивъ*, *нежълочимъ*, *непорочънъ*, *неправда*, *неправдъникъ*, *неправдънъ*, *непрѣподобънъ*, *непрѣходънъ*, *неразоумивъ*, *неразоумънъ*, *нерѣжътворенъ*, *нестроение*, *несъмыслънъ*, *нечатаение*, *нечистота*, *нечъстивъ*, *нечъстие*, — см. [17]. Конечно, в обеих начальных книгах интересующий нас вид терминов не нашел столь широкого распространения, как в «Написании». И тем не менее его истоки надо усматривать именно в евангельских и псалтырных переводах.

Заложенная Кириллом и Мефодием традиция терминотворчества, впитавшая в себя прогрессивный для их эпохи гносеологический метод, не прерывалась на протяжении 1100 лет и вполне жизнеспособна в наши дни. Нам придется пропустить промежуточные звенья и обратиться прямо к современности. Ниже наудачу приведены некоторые термины, выписанные из пятитомной «Философской энциклопедии» [18], из тематических словарей по эстетике и этике, а также из массового «Атеистического словаря» [19], — безобразное, безусловный (рефлекс), бесконечность, беспредельность, бессмертные, бессмысленное, бессознательное, небытие, независимость, необратимость, необходимость, непогрешимость, непосредственное (знание), непротивление, непротиворечивость, неразрешимость, несовместимость, несравнимость, нестяжательство, нетерпимость, неясное (определение)... Перед нами (это свидетельствуется источниками отбора) яркие образцы негативных терминов отвлеченного смысла. Мы выписали и привели только заголовочные слова, а негативная терминология, извлеченная из самих словарных статей, а также из словариков наших общезыковых словарей, должна пока остаться в картотеке автора, — в рамках журнальной статьи воспроизвести ее невозможно. Рассматриваемая модель словопроизводства весьма продуктивна, она реализуется ежедневно (ср. [20]): бездуховность, безыскусность, неоднозначность, непереносимость, неподдающийся, непредсказуемость, несуетность и т. д.

Конечно, было бы недопустимой натяжкой видеть прямую связь между прилагательными и причастиями «Написания» (*нераздѣльнъ*, *непрѣложънъ*, *неизмѣнънъ*, *несъвършънъ*, *бессъмрътънъ*, *бесконечънъ*...) и современными *нераздельный* (*нераздельность*), *непреложный*, *неизменный*, *несовершенный*, *бессмертный*, *бесконечный*. Семантические различия ис-

ключают любые грубые отождествления. И столь же нетерпимым упрощением было бы не замечать между ними никакой связи. Кирилл и Мефодий, — и это несомненно, — создали не только великое множество конкретных слов для нового книжно-письменного языка, но и ряд традиций терминотворчества. Одну из них — модель префиксального производства негативных терминов абстрактно-отвлеченной смысловой сферы — мы рассмотрели.

Переходим ко второй модели, последней.

В Credo Никифора широко используется знаменитый философский термин, известный с античности, — *οὐσία*. Уже и в 25-строчном фрагменте мы его находим: *τῆς πατρικῆς οὐσίας ἐκλόμφαντα* — *отъ оца сщїства въсиавша* (16). В дальнейшем *οὐσία* и ее производные встречаются очень часто (34, 46, 50, 85, 92, 100 и т. д.), а в славянском переводе за ними закрепляются *сщїство* (в значении современного термина) *сущность*, входящего в пару «сущность и явление»), *сщївънъ*, *сщїсѣвънъ*. Термин является ключевым, поскольку Никифор, в согласии с диктатом жанра, настойчиво и обстоятельно обсуждает природу (= сущность) в целом непознаваемого и все же в меру доступного познанию божества.

Не удивительно, что при этом дискутируются фундаментальные (в том числе и для современной науки) гносеологические вопросы. Так, Никифор излагает взгляд на двуприродность Христа: естественно, он считает, что вторая ипостась Троицы единосущна (*ὁμοούσιος*) первой⁹ и что, следовательно, должно признавать за ней как божественную, так и человеческую природу. Как раз здесь появляется важное гносеологическое различие-уточнение: двуприродность — двуестество Никифор объявляет предельно полной, *κατὰ τὴν τὴν νοοῦμενον καὶ τὴν φαινόμενον* — *по разумяемой и по видимой* (209—210). Затем Никифор дает изумительную, особенно с точки зрения филигранной симметрии, характеристику обеих природ, и Кирилл в своем «Написании» проявил себя во всем достойным предшественника. Делом опровергая «триязычников», которые отказывали славянскому языку в способности выразить высокое содержание, он выполнил такой перевод, который ни синтаксически, ни терминологически не хуже византийского оригинала-образца.

Обратим, однако, внимание на другое: на почве «привыкшего к философствованию» греческого языка противопоставление видимого, слышимого, вообще данного в чувствах и понятийного, постигаемого, данного только в умозрении уже давно (начиная с Платона, 427—347) сложилось и закрепилось в устоявшихся терминах *τὸ φαινόμενον* и *τὸ νοοῦμενον*: в славянской же бытовой речи первоучители, конечно, не могли найти адекватных аналогов. Возможно, в «Написании» мы и наблюдаем первый опыт передать по-славянски то гносеологически сверхважное различие, которое и по сей день стоит в центре философской проблематики (как антиномия «сущность и явление») и которому обязаны возникновением немало школ (например, ноуменализм Канта или феноменализм Гуссерля).

В греческом *φαινόμενος* и *νοοῦμενος* — регулярные причастия (*parti-*

⁹ Напомним о страстной полемике вокруг одной йоты в терминах *ὁμοούσιος* (*подобносущный*) и *ὁμοῦσιος* (*единосущный*), развернувшейся на I Вселенском соборе (325), когда при содействии императора Константина был принят и введен в обязательный Символ веры второй термин. IV век в патристической науке — время пристального внимания к тончайшим смысловым различиям и соответственно создания весьма дифференцированной терминологической номенклатуры.

сiрiа) от глаголов φαίνω «быть доступным чувствам» и νοέω «думать, размышлять». В научном (философско-теологическом) языке сложилась модель перевода обydенных причастий в терминированные: для этого причастие, во-первых, вводилось в абсолютное употребление (т. е. переставало требовать после себя определяемое слово, обозначающее предмет — носитель качества); во-вторых, субстантивировалось путем придания артикля; в-третьих, с помощью флексии переводилось в средний род. Например, в словосочетании ὁ φαυλόμενος κόσμος представлено регулярное отглагольное имя в адъективной функции, в то время как τὸ φαυλόμενον — это субстантив, способный во фразе и к самостоятельной роли.

Первоучители полностью перенесли в книжный славянский язык описанную модель, причем отсутствие артикля «компенсируется» использованием полной (и только такой) формы причастия: отсюда два причастия от глагола *видѣти*, из которых *видимо* не субстантивируется и не терминируется, а *видимое* претерпевает и то, и другое. Точно так же образован и парный термин: от *разоумѣвати* — пассивное причастие среднего рода полной формы *разоумѣваемое*.

Случаев реализации той же модели в «Написании» немного, но продуктивности она не идет ни в какое сравнение с моделью производства негативной терминологии. Тем не менее ср.: *ὡς ἐξ αὐτοῦ τοῦ πατρὸς τὸ τε γεννηόμενον καὶ τὸ ἐκπορεύμενον* — *такъ отъ оца едино, раждаемое же и истодимое* (28—29); *τὸ δὲ ἡνωμένον τῇ οὐσίᾳ καὶ θεότητι* — *свѣзкоупленное сжщствомъ и бж(с)твомъ* (100). В целом же даже при наличии в исходном тексте толчка для субстантивации причастия иногда используются наличествующие средства: *τὸ διακρίμενον ἐνοῦνται τοῦ ἰδιόζοντος* — *разлжение примѣшающе къ своиственному* (57—58). Здесь в первом случае вместо ожидаемого *разлженное* наблюдаем (если только это не порча текста) существительное *разлжение*, но во втором случае все же дается термин-причастие: *своиственное*¹⁰.

Несомненно, мы видим само создание и начальное функционирование словопроизводной модели, реализация которой в дальнейшем привела к сложению в русском языке математических, логических, грамматических терминов: вычитаемое, слагаемое, умножаемое, делимое; искомое, доказываемое, выводимое; сказуемое, подлежащее, прилагательное, числительное и т. д. Опять-таки высказав предостережение против прямых отождествлений, все же не станем сомневаться: перед нами истоки многих однородных философских, психологических, искусствоведческих, литературоведческих и других научных терминов: безобразное, бесконечное, вероятное, вещественное, внешнее (внутреннее, возвышенное, всеобщее), единичное (особенное, необщимое), случайное, низменное, первичное/вторичное, прекрасное, сверхъестественное, художественное, типическое, комическое, героическое и т. д. и т. д.

Такова вторая модель, рассмотренная на материале «Написания», —

¹⁰ Не следует удивляться тому, что в нашем анализе оказался материал конфессионального свойства. Классики показали, что в эпоху средневековья «во всех областях умственной деятельности» закономерно отмечается «господство богословия» [21], распространявшееся как на светскую литературу, так и на светскую науку. «...церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви» [22]. Конфессиональное содержание, к счастью, не препятствовало глубокой разработке гносеологических проблем, и тонкая по дифференциации терминологическая номенклатура заимствовалась светской наукой — без малейшего ущерба для нее, но с большой пользой.

модель производства терминов (обозначающих качества) благодаря субстантивации пассивных причастий в полной форме¹¹.

Остается напомнить, что настоящие разыскания стали возможны лишь при наличии греческого текста. Значение отысканного греческого источника «Написания о праѣ вѣркѣ» действительно невозможно переоценить.

«Написание» — это не просто текстологический памятник. Это одновременно памятник-монумент, непреложно свидетельствующий об огромных и вдохновенных трудах по созданию таких славянских средств выражения, которые поставили бы вновь созданный книжно-письменный язык в один ряд с греческим и латынью. И Кирилл, и Мефодий могли бы по праву обратиться к себе сердечный вздох Екклезиаста: *Много взыска еже обрѣсти словеса*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кувев К. Иван Александровият сборник от 1348 г. София, 1981.
2. Иоанн, ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX—X столетий. Написано Константином Калайдовичем. М., 1824. С. 87—88.
3. Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности. [М.], 1984. С. 102.
4. Tkadlík V. Das Napisanije o pravěj věrě, seine ursprüngliche Fassung und sein Autor // Das östliche Christentum. Neue Folge. Hf. 22. Würzburg, 1969.
5. The Oxford dictionary of the Christian Church / Ed. by Cross F. L. and Livingstone E. A. L., 1974. P. 968—969.
6. Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977. S. 489—491.
7. Alexander P. J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical policy and image worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.
8. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 145.
9. Migne J. P. Patrologia Graeca. P., 1857—1866.
10. Верещагин Е. М. Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / Отв. ред. Санчук Г. Э., Поулик Й. М., 1985.
11. Верещагин Е. М. К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей: Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1982. С. 22.
12. Верещагин Е. М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // ВЯ. 1982, № 6.
13. A Patristic Greek lexicon / Ed. by Lampe G. W. H. Oxford, 1976.
14. Культура Византии. IV — первая половина VII в. / Отв. ред. Удальцова З. В. М., 1984. С. 11.
15. Meyendorff J. Byzantine theology. Historical trends and doctrinal themes. N. Y., 1979. P. 74.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 / Под ред. Трубачева О. Н. М., 1975.
17. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—.
18. Философская энциклопедия. Т. 1—5 / Гл. ред. Константинов Ф. В. М., 1960—1970.
19. Атеистический словарь. 2-е изд. / Под общ. ред. Новикова М. П. М., 1985.
20. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Под ред. Котеловой Н. З. М., 1984.
21. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 360.
22. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 495.

¹¹ К этой модели примыкает также субстантивация прилагательных и причастий во множественном числе, причем и здесь терминирующая функция греческого артикля среднего рода *τὰ* восполняется в славянском полной формой. Ср.: *ἀποκατάλλαξις τὰ ἐποικίονα τοῖς ἐπιγεῖοις* — сѣмьрь ꙗбѣнаа съ земными (229); *τὰ ἀντίθετα* — противнаа (94); *τὰ φυσικά* — своиствянаа (ср. выше ед. число: *своиственное*) (275). Эта модель соотносит термины единственного числа с формами множественного.